

Глава 1

«Электронные детки»

Обычно принято начинать книги вроде этой с рассказа о своих родителях: кем они были да чем занимались до твоего рождения или в пору твоего взросления. Только вот я никогда точно не знал, чем именно занимался мой отец. Сколько себя помню, мы все — сестра, брат и я — были не в курсе. Это считалось страшным секретом. Дома нам даже не разрешали обсуждать это или задавать вопросы на эту тему. Она находилась под строжайшим запретом.

Я знал, что мой отец был инженером, знал, что он работал в рамках ракетной программы в корпорации Lockheed. Это поведал нам он сам, но больше ничего не рассказывал. Дело было в самый разгар холодной войны, в конце 1950-х и в начале 1960-х — в то время, когда космическая программа была исключительно приоритетной и сверхсекретной. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что именно поэтому он не мог мне сказать ничего больше. Он ни разу не проронил ни единого слова о том, над чем именно он трудился, чем занимался каждый день на работе. Он абсолютно ничего не говорил об этом до самого последнего дня своей жизни.

Помню, как в 60-е, когда мне было десять лет, я наконец понял, в чем же дело. Тогда он сказал мне, что должен хранить тайну, потому что он человек слова. Однажды, когда он объяснял мне, почему ни в коем случае

нельзя говорить неправду под присягой в суде, он сказал так: «Я хозяин своего слова».

Сейчас я могу сам собрать все куски мозаики воедино. Я помню, что видел фотографии ракет — вроде бы из NASA — и какие-то детали ракет класса Polaris, запускавшихся, если мне память не изменяет, с подводных лодок. Однако он держал рот на замке, и больше мне ничего не известно.

Почему я рассказываю вам об этом? Да просто чтобы вы поняли: мой отец глубоко верил в то, что делал. Верил со всей преданностью. Он действительно демонстрировал образцовую этику. Это стало важнейшим уроком для меня. Он часто говорил мне, что, по его мнению, намного хуже скрывать правду о своих проступках под присягой, чем просто их совершать — даже если речь идет об убийстве. Это произвело на меня особенно сильное впечатление. Я никогда не лгу, и сейчас тоже. Ни капельки. Если не считать розыгрышей над людьми — хотя и этим я не занимаюсь. Это юмор. Развлечения не в счет. Шутка — это не ложь, даже если разница между ними почти не ощутима.

Еще мой отец научил меня электротехнике. За что я ему премного благодарен. Он начал разъяснять мне принципы электроники, когда я был совсем-совсем маленьким — мне тогда еще не исполнилось четырех лет. Это произошло еще до того, когда он стал заниматься сверхсекретными разработками. Тогда он еще работал в Electronic Data Systems, где-то в Лос-Анджелесе. Одним из моих самых ранних воспоминаний стала экскурсия на его работу в выходной день. Он показал мне несколько электронных компонентов, разложив их передо мной на столе так, чтобы я мог с ними поиграться и лучше их изучить. У меня по-прежнему эта картинка перед глазами: он стоит там, работает с каким-то оборудованием. Я точно не знаю, паял ли он электросхему или занимался чем-то другим, но я помню, как он подключал что-то к чему-то, напоминающему небольшой телевизор. Может, это был осциллограф или что-то еще — я не знаю. Он говорил, что работает над чем-то, и для этого ему требовалось получить стабильную картинку на экране с кривой (волновой функцией), чтобы показать ее начальству и продемонстрировать, что его идея работает.

Еще я помню, как сидел там, и чувствовал себя совсем-совсем маленьким, и думал: ух ты, в каком интересном мире он живет. Вот именно так я и думал: ух ты, и все тут. Такие люди, как он, разбирающиеся в этих делах — способные собирать все эти маленькие части воедино и заставлять всю схему совершать определенные действия, — наверняка были умнейшими людьми на Земле. Именно об этом тогда, давным-давно, я большую часть времени и думал.

Тогда, конечно, я был еще слишком маленьким, чтобы решить стать инженером. Я принял это решение несколько лет спустя. В то время

я не очень-то увлекался научной фантастикой или романами про великих изобретателей. Но именно тогда, в тот самый момент я начал понимать, что то, чем занимается мой отец, оказалось важным и полезным.

Помню, как пару лет спустя — мне было шесть или около того — отец демонстрировал работу какого-то оборудования множеству людей из его компании. Их оказалось и правда много. Среди них присутствовали не только те, с кем он работал, но еще вся наша семья и семьи его коллег. Сомневаюсь, что он демонстрировал работу электродрели.

И хотя я был всего лишь маленьким мальчиком, отец сказал мне, что именно мне предстоит включить главный рубильник. И сделать это в точно определенный момент.

Я помню, как волновался из-за того, что мне было неизвестно, когда же этот момент наступит. И я все думал: «Сейчас? Сейчас? Когда я должен это сделать? Сейчас?» Мой отец разговаривал и шутил со своими коллегами и их семьями, которым вскоре предстояло увидеть, как я включаю рубильник. И внезапно я почувствовал, что нужный момент настал. Не могу сказать почему, но мне вдруг стало понятно: пора. Поэтому я подошел к рычагу и повернул его.

Все засмеялись — а почему, я понял не сразу. Вдруг я осознал, что дернул рычаг слишком рано. Я иногда вспоминаю этот эпизод сейчас и думаю, что он мог стать причиной моей застенчивости. Ну, вы понимаете, о чем я: этот мандраж из-за страха перед провалом на публичном выступлении и прочее в том же духе.

А возможно, именно это и было моим первым розыгрышем. Хотя на самом деле никто розыгрыша и не планировал!

Мой отец преподнес мне кучу других ценных уроков, и благодаря им я очень рано увлекся электротехникой. А начиналось все с того, что я задавал ему вопросы. И у меня возникало много вопросов.

Поскольку мой отец был инженером, в нашем доме находилось множество интересных вещей. А если у тебя по всему дому валяются всякие резисторы, ты начинаешь спрашивать: «А что это? Резистор — это что такое?» И мой отец всегда давал мне хорошие ответы, которые я понимал даже в свои семь лет. Он был очень хорошим учителем, и общение с ним давалось невероятно легко.

Он никогда не давал мне простых объяснений. Он начинал объяснять все с самого начала: с атомов, электронов, нейтронов и протонов. Он объяснял мне, что это такое, и рассказывал, что все на свете состоит из этих

частиц. Я помню, как он неделями говорил о разных атомах, и после этого я наконец понял, как на самом деле электроны взаимодействуют с материей — вращаются по своим спиралям. А уж потом, под конец, он рассказывал, как именно работают резисторы — приводя не математические расчеты, которые второклассник понять не может, а обычные примеры из жизни. Именно так он преподавал мне тогда основы электротехники. В жизни инженера наступает момент, когда он начинает понимать принципы работы резистора. И, как правило, это происходит намного позже, чем у меня. Но уже к четвертому классу я действительно кое-что в этом понимал.

Мой отец всегда был рядом, когда мне хотелось узнать и про все остальное. Например, про свет. Как работает электрическая лампочка? Я хотел знать. Немногие в таком юном возрасте это знают — наверное, большая часть взрослых этого до сих пор не понимает. Но он объяснил мне и это: сначала рассказал про источники света, затем о том, как электроны могут бежать по проводам, и в конце концов — как они заставляют лампочку светиться. Мне не терпелось узнать: ну как же, как она светится? И он снова возвращался к основам: рассказывал мне про то, как Томас Эдисон изобрел лампочку и какие тайны ему пришлось для этого разгадать. Эдисон понял, что фактически ему было необходимо создать вакуум — непременно, ведь если бы там находился кислород, то нить накала просто бы сгорела при нагревании. Вот и получалось, что этот вакуум (в нем нет воздуха, помните?) в этой небольшой лампочке необходимо было нагреть с помощью множества электронов, пробегающих через нить накала.

И чем больше электронов пробегает по нити накала — иначе говоря, чем выше напряжение, — тем ярче станет гореть лампочка. Здорово! Мне было восемь лет или даже меньше, когда я начал понимать это. И благодаря этому знанию я ощущал себя особенным, отличающимся от всех остальных детей, с которыми тогда общался. Мне казалось, будто для меня открылись секреты, которыми не владел никто другой.

Хочу заметить, что мой отец никогда особенно не хвалился моими успехами в электротехнике. Он многому меня научил, это правда. Но всегда вел себя так, будто это было в порядке вещей. К шестому классу я достиг значительных успехов в математике и естественных науках, и многие об этом уже знали: я прошел IQ-тест и набрал больше двухсот баллов. Но мой отец никогда не настаивал на том, чтобы я посвящал этому все свое время. У нас дома, на Эдмонтон-авеню, была небольшая досочка. И если у меня возникали вопросы, он отвечал на каждый из них, рисуя диаграммы на этой доске мелками. Я помню, как он объяснял мне, что на самом деле происходит, когда «плюс» подается на транзистор, на другом конце которого получается «минус». Я догадывался, что там должен был

быть какой-то инвертор, какой-то логический вентиль. Он даже научил меня делать вентили «И» и «ИЛИ» из тех деталей, которые у него имелись, — они назывались диодами и транзисторами. Он показывал мне, где между ними следовало установить транзистор, для того чтобы усилить сигнал и соединить выход одного вентиля со входом другого.

И по сей день в соответствии с этими принципами на самом фундаментальном уровне работает каждое цифровое устройство на планете.

Он тратил время — кучу своего времени — на разъяснение мне всех этих мелочей. Для него эти знания были элементарными — хотя компании Fairchild и Texas Instruments изобрели транзистор всего десятью годами ранее.

Поразительно, что мой отец объяснил мне принципы работы транзисторов в то время, когда все вокруг занимались только вакуумными трубками. Тогда он был в самом авангарде науки — возможно, потому, что его засекреченная работа давала ему доступ к самым современным технологиям. Вот и я тоже смог приобщиться к ним.

Он не заставлял меня тупо запоминать способы соединения отдельных частей, формирующих вентиль, а объяснял, как именно электроны заставляют всю цепочку работать. Он хотел, чтобы я действительно понял, что на самом деле там происходит, а не просто умел читать чертежи или специализированную литературу.

Эти уроки и по сей день составляют основу всех моих знаний и методов, которыми я пользуюсь при разработке компьютерных систем.

Так вот, я уже рассказал про все уроки и объяснения, доступные для ребенка. А теперь хочу поведать об одном особенно важном уроке, который мне преподнес отец. Он в гораздо большей мере определил мою жизнь, чем отцовские принципы честности. Я понял, что по-настоящему значит быть инженером. Именно настоящим инженером, относящимся к своей профессии со всей серьезностью. Я хорошо помню, как отец объяснял мне, что эта наука была самой важной в мире и что у того, кто может создавать электрические устройства, получится творить добро для человечества и вывести общество на новый виток развития. Он говорил, что инженер может изменить мир и образ жизни для огромного количества людей.

По сей день я верю в то, что инженеры заставляют мир вращаться. И я думаю, что и впредь буду инженером, — я посвятил этому всю свою жизнь. Понятно, что когда инженеры создают что-то, то люди часто начинают спорить, к добру это или нет. Атомная бомба, например. Мой отец считал, что миром движут перемены, что таков наш путь и что

практически любые перемены — к лучшему. Любое устройство, о котором мечтают люди, будет служить добру, а значит, его нужно создавать, и в этот процесс не должны вмешиваться правительства или кто-либо еще. И я пришел к тем же самым выводам, когда мне было лет десять или даже меньше. Я решил для себя — и этому решению уже никогда не изменю, — что на самом деле технологии — хорошо, в них не может быть ничего плохого.

Люди постоянно спорят об этом, но у меня на этот счет нет сомнений. Я считаю, что благодаря технологиям будущее становится ближе. Всегда.

Видите ли, в смысле уровня развития электроники Северная Калифорния 50-х была совсем другой — не такой, как сейчас. Так, например, там, где я вырос, любой, кто владел телевизором или радио, должен был самостоятельно менять вышедшие из строя лампы внутри них. В продуктовых магазинах стояли аппараты для проверки этих ламп на исправность, и все — и дети, и родители — знали, как ими пользоваться. Все знали, что, когда телевизор переставал работать, нужно его открыть, вынуть лампы и проверить в продуктовом магазине на специальном аппарате. На нем находилась стрелка, которая показывала, исправна лампа, или изношена, или совсем неисправна. Прямо там же можно было купить новые лампы, а потом дома вставить их в свой телевизор.

Если вы слишком молоды и не помните этого, могу сказать: это было не очень-то удобно, но всегда эффективно. Единственный минус такого способа — необходимость совершать физические усилия: нужно было вынимать лампы, затем проверять каждую из них и вставлять их обратно на место. Столько суматохи! Я часто разглядывал эти лампы, пытаюсь понять, из чего они сделаны. Это были всего лишь маленькие лампы накаливания, но они нагревались во время работы и могли запросто перегореть, как и обычная лампочка. Я помню, что меня удивляло, почему нельзя изготавливать лампы, которые бы не перегорали, или телевизоры, способные работать вовсе без ламп. Это бы существенно облегчило людям жизнь.

Таким человеком я был и тогда, и потом, и, видимо, таким остаюсь и по сей день. Какая-то часть меня тяготела к технологиям, какая-то — к гуманитарным дисциплинам. Так, например, я помню, как заявлял своему отцу, когда мне было десять: когда вырасту, я хочу стать инженером, как и он. Но помню и то, как всем говорил, что хочу стать школьным учителем у пятиклашек, как наша мисс Скрак. Сочетание человеческого и научного потом и стало моим главным принципом. Позвольте пояснить: когда я приступал к чему-то вроде создания компьютера, я знал, что

бывают чудики, думающие только о технической стороне вопроса. Для них главным было соединить чипы правильно таким образом, чтобы вся схема работала.

Но я хотел соединить все эти микросхемы скорее как художник, лучше, чем кто-либо другой, и так, чтобы это было максимально удобно для обычного человека. Это стало моей целью, когда я создал первый компьютер, впоследствии ставший известным как Apple I — первый компьютер, у которого имелись клавиатура для ручного ввода данных, и экран, на котором можно было что-то увидеть. В каком-то смысле у меня с рождения зрела эта идея создания удобных технологических устройств. Я мечтал о том, что однажды я смогу создавать устройства, которыми станут пользоваться все. И мне это удалось!

Как бы то ни было, любой, кто меня знает, вам это подтвердит: я инженер, но из тех, кто всегда думает о людях.

Согласно моему свидетельству о рождении, мое полное имя Стефан (Stephan) Гари Возняк. Я родился в 1950 году, моих родителей звали Франсис Джейкоб Возняк (все звали его Джерри) и Маргарет Луиза Возняк. Моя мама хотела назвать меня Стивен (Stephen), но в свидетельстве о рождении предпоследнюю букву перепутали. Вот почему сейчас я известен как Стивен.

Мой отец родом из Мичигана; мать родилась в штате Вашингтон. Мой отец и его брат, ставший впоследствии католическим священником, выросли в строгой и набожной католической семье. К тому времени, когда у моих родителей появился я — старший из троих детей, — мой отец начал воспринимать католицизм в штыки, поэтому я никогда не был особенно религиозен. Церковь, месса, приход. Что это такое? Честно вам скажу: не знаю.

С самого раннего возраста я часто беседовал с родителями о социальном устройстве и взаимодействии в обществе. Когда я задавал вопросы о религии, мой отец всегда отнекивался — нет, нет, я занимаюсь наукой. Его религией была наука. Мы обсуждали, каким образом наука связана с истиной и честностью, и благодаря этим спорам в значительной степени и сформировалась моя система ценностей. Отец говорил мне, что всего-навсего хотел бы, чтобы любые утверждения можно было проверить на истинность. Он считал, что проверку на истинность стоит начать с проведения эксперимента, результаты которого точно смогут продемонстрировать: то, что перед нами, — истинно. Нельзя просто прочесть что-то в книге или услышать от кого-то и тут же принять на веру. Ни в коем случае.

В результате я понял, что думаю так же. В самом юном возрасте я знал, что когда-нибудь тоже буду заниматься наукой — когда вырасту.

Я забыл упомянуть, что когда-то мой отец считался своего рода знаменитостью. Он был очень успешным игроком в футбольной команде Калифорнийского технологического университета. Многие часто говорили мне, что они ходили на все эти игры только для того, чтобы увидеть, как играет Джерри Возняк. Моя мать с добротой относилась ко мне и моим младшим брату и сестре. Она всегда была дома, когда мы возвращались из школы, всегда была вежлива, шутила, рассказывала интересные истории и баловала нас своей кухней. Она всегда заставляла нас смеяться! Я думаю, что именно от нее — уж точно не от отца — я унаследовал чувство юмора: любовь к розыгрышам и шуткам вообще. Много лет я обожал разыгрывать людей. Моя мама, кажется, стала именно тем человеком, которому я этим обязан. Она обладала просто превосходным чувством юмора.

В 1962 году, когда я учился в шестом классе, моя мать сильно увлеклась Республиканской партией. Она была ярым сторонником Ричарда Никсона, баллотировавшегося тогда на должность губернатора Калифорнии. Намечалось одно мероприятие в Сан-Хосе, где должен был выступить Никсон, и она сказала: «Стив, почему бы тебе не съездить со мной?» И у нее созрел план: я должен был устроить там розыгрыш. Она хотела, чтобы я подошел к нему и передал записку, сказав, что я представляю любительскую радиостанцию из школы Сиерры и что мы единогласно поддерживаем кандидатуру Ричарда Никсона на губернаторских выборах. Суть розыгрыша заключалась в том, что я был единственным шестиклассником, работавшим на любительской радиостанции в школе, а может быть, и единственным во всем штате. Я это сделал. Я подошел к Никсону и передал ему бумагу, на которой мы просто-напросто накалякали что-то карандашом перед самым выходом из дома.

Я сказал: «Я хотел бы вам кое-что передать». Мне показалось, что Никсон вел себя очень любезно. Он казался добродушным, улыбнулся в ответ. Он подписал одну из моих школьных тетрадей, которые я взял с собой, и даже подарил мне ту ручку, которой расписался. Сработало около двадцати фотовспышек, и я попал на первую полосу газеты San Jose Mercury News. Я! Единственный оператор радиостанции в школе Сиерра и, наверное, самый молодой во всем штате. Представлял я организацию, выдуманную исключительно для меня одного. Показал ему подделку под сертификат. И все купились. Ух ты!

Это, конечно, было очень весело, но кое-что меня смущало. Могу совершенно точно вам сказать, что это смущает меня и по сей день. Почему

никто не понял, что это шутка? Разве нельзя было проверить факты? Заголовок в газете звучал примерно так: «Шестиклассник Стив Возняк, представляющий организацию, которая поддерживает Никсона». Никто не понял, что не существовало никакой школьной организации, что все это была шутка, придуманная моей мамой. После этого я подумал, что можно сказать журналисту или политику все что угодно — и они просто тебе поверят на слово. Это меня шокировало — ту шутку приняли за правду, ни на секунду не усомнившись. Тогда я понял, что можно говорить людям что угодно — разыгрывая их, рассказывая невероятные фантастические истории. Люди, как правило, всему этому верят.

Большую часть детства я провел со своей семьей в Южной Калифорнии, где мой отец работал инженером в различных компаниях до того, как его приняли на засекреченную должность в Lockheed.

Но на самом-то деле я вырос в Саннивейл, в самом центре того, что сегодня известно как Кремниевая долина. Тогда это называлось долиной Санта-Клара. Мы переехали туда, когда мне было семь лет. В то время там занимались исключительно сельским хозяйством. Наша улица, Эдмонтон-авеню, была короткой одноквартирной улочкой, окруженной фруктовыми садами с трех или четырех сторон, поэтому, куда бы я ни поехал на своем велосипеде, я почти всегда в результате выезжал к абрикосовому, вишневому или сливовому саду. Особенно запомнились абрикосы. На заднем дворе у каждого дома в моем квартале росло несколько абрикосовых деревьев — в нашем дворе их было семь, и осенью плоды становились мягкими и с брызгами плюхались на землю. Можете себе представить, как здорово было ими кидаться.

Сейчас, когда я вспоминаю эту улицу, думаю, что лучшее место для ребенка невозможно себе представить. Людей тогда там жило намного меньше — и, черт возьми, как же легко можно было добраться куда угодно. Климат лучший, чем где бы то ни было. Переехали мы туда в 1958 году. И я помню, как моя мама показывала мне заметки в федеральной газете, где утверждалось, что у нас самый лучший климат в Америке. И, как я уже сказал, поскольку цивилизация только-только начала добираться туда, большие фруктовые сады цвели повсюду.

Эдмонтон-авеню на самом деле являлась небольшой частью района Эйхлер — дома в этом районе в то время славились своими архитектурными достоинствами и умеренными ценами. Они выгодно отличаются от других и по сей день. И семьи, жившие в них, были во многом похожи на мою — средний класс, мужчины начинали работать в молодых компаниях, занимающихся разработками в электронике, а женщины сидели

дома с детьми. Поэтому — и еще потому, что многие мои друзья могли легко найти электронные компоненты и провода на любой вкус в гаражах своих родителей или на складах фирм — я назвал бы наше поколение «электронными детками». Мы росли, играя с радиоприемниками, детскими рациями, на наших крышах торчали причудливые антенны. Конечно, мы тоже играли в бейсбол и много бегали. Очень много.

Помню, что когда я учился в пятом классе, то был довольно-таки спортивным. Говорят, я отлично бегал, считался лучшим спортсменом в школе, лучшим бейсболистом и поэтому пользовался популярностью. Но моей жизнью была именно электротехника, и я обожал замышлять различные проекты с другими «электронными детками».

Когда я ходил в четвертый класс, на Рождество получил фантастический подарок — набор радиолюбителя, и в нем были все эти чудные переключатели, проводки и лампочки. Я многому научился, когда играл со всеми этими штуками. Именно благодаря этому набору мы с «электронными детками» начали собирать самые хитроумные вещи. Я был главным разработчиком интеркома, соединяющего около шести разных домов.

Сперва нам требовалось раздобыть необходимое оборудование. Главная деталь — кабель. Где детишки могли раздобыть много метров электрокабеля? История прямо-таки фантастическая, но все же мы им разжились. Один парень из моей компании, Билл Вернер, просто подошел к работнику телефонной компании и попросил дать ему немного электрокабеля. Он видел катушки кабеля у него в грузовике и попросил его дать ему хотя бы одну. Не знаю почему, но тот дал ему эту катушку, сказав: «Вот тебе провод, сынок».

Билл получил катушку кабеля диаметром где-то сантиметров тридцать. Куча, целая гора кабеля. Кабель был двухжильным, из чистой меди, покрытой пластиковой изоляцией двух цветов — белой и коричневой, перекрученный через каждые пару сантиметров или около того, чтобы скрепить два провода вместе и минимизировать помехи. Вроде как кабель с плюсом и минусом. Если какие-то электрические помехи достаточно сильны, то они в равной степени передаются плюсовому и минусовому кабелю. Штука в том, что ни один из проводов ни в какой момент времени не оказывается ближе к источнику помех. Таким образом плюс и минус гасят помехи. На другом конце провода получается равное количество плюса и минуса. По этому принципу работает телефонный провод — именно тогда я и узнал об этом. Отсюда же происходит термин «витая пара».

Я придумал, что нам можно сделать со всем этим проводом. Нарисовал на бумаге очень аккуратную схему своими разноцветными карандашами.

А еще определил, где будут находиться переключатели и как мы сможем подсоединить карбоновые микрофоны (тогда только такие и существовали), звонки и лампочки, чтобы не будить родителей громким шумом, по которому они сразу поймут, чем мы занимаемся. Нам следовало сохранять абсолютную секретность, и мы решили выключать звонки на ночь и пользоваться только лампочками, которые должны были нас будить.

Когда я закончил проектирование, мы все на велосипедах поехали в Sunnyvale Electronics — местный магазин, излюбленное местечко ребят-тишек вроде нас. Мы купили всякие красивые детали, микрофоны, звонки и выключатели — все, что нужно.

Затем мы должны были соединить все наши дома между собой. Деревянные заборы разделяли наши дома на коротенькой улице, и прямо в самый разгар дня мы шли вдоль них, протягивали кабель по забору и закрепляли его степлером. Естественно, от скобки может быть короткое замыкание. Нам повезло, что этого не случилось. Мы закрепили этот кабель вдоль всего квартала — от дома моего друга до моего, и затем я установил коробку с переключателями, просверлил в ней несколько отверстий, закрепили выключатели. И знаете что? Она заработала! Вот так у нас появилась секретная связь между нашими домами, и мы могли разговаривать друг с другом глубокой ночью.

Тогда нам было по одиннадцать-двенадцать лет. Не стану врать, что мы получили профессионально изготовленную технологичную систему, но она и правда работала. Это было для меня огромным успехом.

Сначала мы друг другу звонили, думаю, просто потому, что это считалось очень крутым — теперь мы могли говорить друг с другом. Мы звонили друг другу и говорили что-то типа: «Эй, это так круто! Ты меня слышишь?» Или: «Эй, нажми свою кнопку вызова, давай посмотрим, как это работает». Или: «Проверь мой звонок, позвони мне». Это продолжалось неделю или две, а потом мы стали использовать эту систему для того, чтобы тихо сбегать из дома по ночам.

И вот как это было. Вместо того чтобы звонить, наши устройства тихо жужжали и моргали лампочками. Так, например, Билл Вернер или кто-то другой из ребят звонили мне, а то я звонил им, и мы передавали зашифрованные сообщения, у которых было много разных смыслов. Не счесть, сколько раз просыпался ночью от жужжания, думая: «Эх, сегодня ночью мы отлично погуляем!»

Мы были детьми, обожавшими вылезать по ночам из окна и сбегать из дома. Наверно, мы сбегали только для того, чтобы повидаться друг с другом или погонять на велосипеде. Иногда мы швырялись рулонами туалетной бумаги в чужие дома. Обычно это были дома девочек. Ха. Мы ходили по ночам вместе и говорили друг другу что-то вроде: «Кто может

назвать дом, который мы сегодня закидаем туалетной бумагой?» Говоря откровенно, я сам никогда точно не знал, чей дом я бы лично хотел закидать — никогда об этом не думал, но у других ребят, как правило, кто-то был на уме.

Затем мы шли в круглосуточный магазин и пробовали купить, например, двадцать пять рулонов туалетной бумаги. Я помню, как однажды продавец спросил: «Почему у меня такое чувство, что эта штука не будет использоваться по назначению?» Я засмеялся и сказал ему, что у всех нас мощнейший понос. И он продал нам бумагу.